

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-1-69-80

УДК 339.727(045)

JEL F02, F34, F36, G15

G7 vs БРИКС+: сравнительный анализ финансово-экономических потенциалов

И.А. Балюк

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет. Быстрый экономический рост Китая и других развивающихся стран привел к масштабной трансформации глобальной экономики и формированию нового центра силы, вокруг которого стали группироваться государства, заинтересованные в ликвидации финансово-экономической зависимости от США и их союзников. Стремясь сохранить свои лидирующие позиции, США спровоцировали обострение геополитической напряженности, что усилило фрагментацию мировой экономики (в настоящее время она проявляется в виде сосуществования двух основных блоков стран: G7 и БРИКС+) и мировых финансов. В статье представлен сравнительный анализ основных финансово-экономических индикаторов этих объединений. **Цель исследования** — определить текущее состояние и перспективы развития финансово-экономических потенциалов G7 и БРИКС+. **Методы.** На основе сравнительного и экономико-статистического анализа выявляются ключевые особенности развития экономики и финансов стран, являющихся членами указанных объединений. Сделан **вывод** о значительном финансово-экономическом потенциале БРИКС+. Кроме того, предлагается начать диалог между развитыми и развивающимися странами о формировании принципиально новой мировой финансово-экономической архитектуры.

Ключевые слова: G7; БРИКС+; фрагментация мировой экономики; макроэкономические индикаторы; государственный долг; внешний долг; международные резервы

Для цитирования: Балюк И.А. G7 vs БРИКС+: сравнительный анализ финансово-экономических потенциалов. *Мир новой экономики*. 2026;20(1):69-80. DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-1-69-80

ORIGINAL PAPER

G7 vs BRICS+: Comparative Analysis of Financial and Economic Potentials

I.A. Balyuk

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Subject. The rapid economic growth of China and other developing countries has led to a large-scale transformation of the global economy and formation of a new center of power, around which countries have begun to get united focusing to abolish financial and economic dependence on the United States and its allies. To maintain its leading position, the United States instigated an escalation of geopolitical tensions. This aggravated the fragmentation of the global economy and world finance. As a result of such fragmentation, currently, there coexist two main blocs of countries: the G7 and BRICS+. The article presents an analysis of the basic financial and economic indicators of these groups of countries. **The objective of the study** is to identify the current state and development prospects of the financial and economic potential of the G7 and BRICS+. **Methodology.** Key features of the economic and financial development of country members of these groups are revealed stemming from comparative and economic-statistical analysis. **In conclusion**, indicates a significant financial and economic potential of the BRICS+. Besides, it is recommended to initiate a dialogue between developed and developing countries regarding the formation of a fundamentally new global financial and economic architecture. **Keywords:** G7; BRICS+; fragmentation of world economy; macroeconomic indicators; public debt; external debt; international reserves

For citation: Balyuk I.A. G7 vs BRICS+: Comparative analysis of financial and economic potentials. *The World of New Economy*. 2026;20(1):69-80. DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-1-69-80

ВВЕДЕНИЕ

Выступая на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2025 г., Президент РФ В. Путин отметил, что глобальная экономика переживает самую масштабную трансформацию за последние десятилетия, а страны мирового сообщества наращивают свой потенциал, изменяя баланс сил и всю экономическую картину планеты [1]. В основе трансформации лежит ускоренный экономический рост развивающихся стран: Китая, Индии, России, Бразилии и др. Например, в 2000–2024 гг. доля Китая в мировом ВВП увеличилась с 3,6 до 16,8% (в текущих ценах)¹, а по величине ВВП, рассчитанной на основе паритета покупательной способности (ППС), он вышел на первое место в мире. В то же время доля США в мировом ВВП (в текущих ценах) сократилась за тот же период с 30,3 до 26,2%. В результате в мировой экономике появился новый центр силы, вокруг которого стали группироваться страны, заинтересованные в ликвидации финансово-экономической зависимости от США и их союзников и дальнейшем развитии с учетом своих национальных интересов.

За время существования однополярной мировой финансово-экономической системы, возглавляемой США, накопились противоречия, представляющие серьезную угрозу для мировой экономики и мировых финансов. Одним из них является дисбаланс между ролью доллара в мировой финансовой системе и позицией Америки в мировой экономике [2]. Утратив безусловное экономическое доминирование и способность обеспечивать глобальную стабильность, США в стремлении сохранить свои лидирующие позиции спровоцировали обострение геополитической напряженности в мире и развязали торговую войну с Китаем и другими странами. Возникновение нового центра силы в лице КНР усилило фрагментацию мировой экономики [3, 4].

В настоящее время «коллективный Запад» по-прежнему с Америкой, а ведущие развивающиеся страны ориентируются на Китай. Остальные государства поддерживают кого-то из лидеров, но, как правило, предпочитают занимать нейтральную позицию, извлекая выгоду из равноудаленного общения с ними обоими.

Блоковый характер фрагментации мировой экономики находит отражение в существовании

неформальных объединений: ведущие развитые страны взаимодействуют в рамках G7 (Group of Seven — Группа семи), а ведущие развивающиеся — в БРИКС (сейчас его называют БРИКС+ — с учетом присоединения новых членов). И хотя в конце 1999 г. по инициативе министров финансов G7 была создана G20 (Group of Twenty — Группа двадцати), куда вошли и ведущие развивающиеся страны, эффективность ее деятельности ограничена существующими внутренними противоречиями между различными участниками [5], а также обострившимся в последние годы соперничеством США и КНР [6].

ИСТОРИЯ G7 И БРИКС+

История G7 началась по инициативе США весной 1973 г. с неофициальных встреч министров финансов США, Великобритании, ФРГ и Франции². Основной темой были финансовые проблемы, связанные с отказом от базовых принципов Бреттон-Вудской валютной системы, переходом от фиксированных к плавающим валютным курсам, нефтяным кризисом и последовавшей за ним рецессией мировой экономики. Осенью того же года к обсуждению присоединилась Япония.

В 1975 г. статус встреч был повышен до уровня глав государств и правительств, и в ноябре во Франции состоялся первый саммит, где также присутствовала Италия. С 1976 г. седьмым членом группы стала Канада, а саммиты начали проводиться ежегодно — по очереди в каждой из стран. С 1977 г. к участию приглашались представители различных международных организаций, и в конце XX в. регулярные встречи G7 превратились в крупные международные события.

В 1998 г. Россия присоединилась к группе (которая теперь называлась G8), однако с 2014 г. она больше не приглашалась для участия в саммитах, а объединение снова вернулось к формату G7.

В настоящее время решения «Большой семерки» носят рекомендательный характер, а главная цель саммитов заключается в обсуждении наиболее актуальных финансово-экономических и политических проблем и выработке согласованных подходов к их решению. Страны-члены, имея политический вес и международную значимость, оказывают заметное влияние на функционирование мировой экономики и мировых финансов,

¹ Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

² G7: какие страны входят, цели организации, саммиты. Росбизнесконсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/base/10/07/2024/6687873f9a79471ddf82190e>

а также на деятельность различных международных организаций.

Что касается БРИКС+ (BRICS+), название которого — акроним названий стран-членов [первоначально Бразилия, Россия, Индия и Китай — БРИК (BRIC), а позднее ЮАР (от англ. South Africa)], то непосредственное взаимодействие его участников началось в 2006 г., а первый полноформатный саммит БРИК прошел в июне 2009 г. в Екатеринбурге. После присоединения ЮАР в декабре 2010 г. подобные встречи стали проводиться ежегодно — уже в формате БРИКС. Одна из главных целей объединения — развитие открытого диалога и сотрудничества, которые отвечают общим интересам всех членов, а также «строительство гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание»³.

В январе 2024 г. к БРИКС присоединились Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия, а в январе 2025 г. — Индонезия. Объединение в расширенном составе получило неофициальное название БРИКС+, и на вступление в него уже подали заявки около 30 государств (преимущественно из Азии и Африки)⁴.

Среди текущих проблем, обсуждаемых в рамках БРИКС+: реформа глобального управления (включая Бреттон-Вудские институты), развитие независимых платежных систем и углубление сотрудничества в различных сферах [7]. На очередном саммите в июле 2025 г. был подтвержден курс на укрепление многополярного мира.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА G7 И БРИКС+

Поскольку БРИКС+ и созданные им финансовые институты нередко рассматриваются как антагонисты G7 и традиционных международных финансовых организаций [8], целесообразно сравнить основные финансово-экономические индикаторы двух объединений, чтобы представлять примерное соотношение сил между главными блоками мировой экономики и мировых финансов. Следует отметить, что как в российской, так и в зарубежной научной среде, уже неоднократно предпринимались попытки сравнения отдельных финансово-экономических аспектов деятельности G7 и БРИКС [9–12]. Однако, на наш взгляд, существует потребность в комплексном финансово-экономическом анализе.

Разумеется, его результаты не следует считать абсолютной истиной по некоторым причинам:

разное количество стран в объединениях, неодинаковое качество жизни, различия в качестве экономического роста и структуре экономики, а также в культурно-исторических традициях и пр. Кроме того, следует иметь в виду, что в отношении Ирана и России применяется режим внешних санкций, который ограничивает полноценное развитие их национальных экономик и заставляет по-новому выстраивать отношения с другими государствами [13]. Но, несмотря на это, динамика и достигнутые странами каждой группы макроэкономические и финансовые показатели позволяют оценить существующий потенциал и перспективы дальнейшего развития.

Чтобы получить общее представление об отличительных чертах двух объединений, сравним их некоторые базовые характеристики. Десять стран БРИКС+ и семь стран G7 в общей сложности занимают половину территории нашей планеты в пропорции 2:1, а по численности населения БРИКС+ в 5 раз превышает G7 [по данным Всемирного банка (ВБ) на 2024 г., обе группы составляют около 58% населения Земли].

В «Большую семерку» входят урбанизированные страны, где на долю сельского населения приходится примерно 15–18%. Немного отклоняются от указанных значений Япония (около 8%) и Италия (около 28%). Что касается БРИКС+, в Бразилии и ОАЭ доля сельского населения — примерно 12%, в Иране и России — 22–24%, в ЮАР, Китае и Индонезии — 30–40%, а в Индии, Египте и Эфиопии оно доминирует — от 56 до 76%⁵.

По степени распространения мобильной связи среди населения БРИКС+ не уступает G7, а ОАЭ и Россия даже превосходят Японию, являющуюся лидером в своей группе. Однако по количеству мобильных телефонов на единицу населения различия между странами БРИКС+ весьма существенны: в 2023 г. у ОАЭ этот индикатор был в 3,5 раза больше по сравнению с Эфиопией, у которой, наряду с Индией и Египтом, он ниже единицы. Для сравнения: в G7 максимальная разница составляет 1,9 раза (за исключением Канады, у всех участников показатель выше единицы).

С точки зрения политической стабильности и вероятности насильственных (или террористических) действий государства G7, по оценке ВБ (которая варьируется от –2,5 до 2,5: чем больше балл, тем выше политическая стабильность), существен-

³ URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767167/>

⁴ URL: <https://tass.ru/info/18558683>

⁵ Официальный интернет-сайт ВБ. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

но превосходят БРИКС+. В G7 средний показатель — 0,54 (самый высокий — у Японии), а в БРИКС+ — 0,92 (здесь лидирует ОАЭ).

ОСНОВНЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

Стоит отметить, что доля каждого объединения в величине мирового ВВП (главного общепризнанного индикатора развития экономики) существенно отличается в зависимости от метода рас-

чета. В текущих ценах на G7 в 2024 г. пришлось 44% мирового ВВП, а на БРИКС+ — около 27%; по ППС картина радикально меняется: 30% и чуть более 41% соответственно (табл. 1).

Как видно из табл. 1, каждое объединение имеет своего лидера. В G7 на долю США приходится почти 60% совокупного ВВП объединения и 26,2% мирового ВВП (в текущих ценах), а на основе ППС — около 52% и около 16% соответственно. В БРИКС+ доля Китая составляет почти 62% совокупного ВВП

Таблица 1 / Table 1

Величина и удельный вес ВВП в странах G7 и БРИКС+ в 2024 г. /
The Size and Share of GDP in G7 and BRICS+ (in 2024)

Индикатор Страна / Группа стран	ВВП, млрд долл. США (в текущих ценах)	Доля в мировом ВВП, %	ВВП, млрд долл. США (по ППС)	Доля в мировом ВВП, %	ВВП на душу населения, долл. США (в текущих ценах)	ВВП на душу населения, долл. США (по ППС)
Мир	111 326,3	100,0	185 886,7	100,0	13 673,0	24 247,9
США	29 184,8	26,2	29 184,8	15,7	85 809,9	85 809,9
Германия	4 659,9	4,1	6 037,8	3,2	55 800,2	72 300,1
Япония	4 026,2	3,6	6 407,6	3,4	32 475,8	51 685,0
Великобритания	3 643,8	3,2	4 196,5	2,2	52 636,7	60 620,3
Франция	3 162,0	2,8	4 201,5	2,2	46 150,4	61 321,6
Италия	2 372,7	2,1	3 589,1	1,9	40 226,0	60 846,9
Канада	2 241,2	2,0	2 702,8	1,4	54 282,6	65 463,1
G7 всего	49 290,6	44,0	56 320,1	30,0		
Китай	18 743,8	16,8	38 190,0	20,5	13 303,1	27 104,8
Индия	3 912,6	3,5	16 190,8	8,7	2696,6	11 158,8
Бразилия	2 179,4	1,9	4 734,6	2,5	10 280,3	22 333,4
Россия	2 173,8	1,9	6 921,2	3,7	14 889,0	47 404,9
Индонезия	1 396,3	1,2	4 662,8	2,5	4 925,4	16 448,2
ОАЭ	537,0	0,5	847,9	0,4	49 377,5	77 958,9
Иран	436,9	0,4	1 688,6	0,9	4 771,4	18 441,5
ЮАР	400,2	0,3	989,3	0,5	6 253,3	15 457,4
Египет	389,0	0,3	2 225,1	1,2	3 338,4	19 094,1
Эфиопия	126,7 (2022 г.)	0,1 (2022 г.)	432,9	0,2	10 110 (2022 г.)	3 278,4
БРИКС+ всего	30 169,0 (без Эфиопии)	26,8 (без Эфиопии)	76 883,2	41,1		

Источник / Source: составлено и рассчитано автором на основе данных ВБ. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> / compiled and calculated by the author according to data provided by The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

Таблица 2 / Table 2

**Величина и удельный вес ВВП в странах G7 и БРИКС в 2015 г. /
The Size and Share of GDP in G7 and BRICS (in 2015)**

Индикатор Страна / Группа стран	ВВП, млрд долл. США (в текущих ценах)	Доля в мировом ВВП, %	ВВП, млрд долл. США (по ППС)	Доля в мировом ВВП, %	ВВП на душу населения, долл. США (в текущих ценах)	ВВП на душу населения, долл. США (по ППС)
Мир	75 723,6	100,0	113 112,1	100,0	10 175,4	15 199,5
США	18 295,0	24,1	18 295,0	16,1	56 849,4	56 849,4
Германия	3 423,5	4,5	3 966,5	3,5	41 911,0	48 558,4
Япония	4 444,9	5,8	5 200,9	4,6	34 960,6	40 906,5
Великобритания	2 927,9	3,8	2 767,9	2,4	44 983,8	42 526,7
Франция	2 442,4	3,2	2 722,8	2,4	36 702,4	40 916,1
Италия	1 845,4	2,4	2 252,2	2,0	30 639,8	37 394,4
Канада	1 556,5	2,0	1 594,9	1,4	43 594,1	44 669,4
G7 всего	34 935,6	45,8	36 800,2	32,4		
Китай	11 280,8	14,9	18 577,5	16,4	8 175,3	13 463,3
Индия	2 103,5	2,7	7 204,5	6,3	15 840,0	54 250,0
Бразилия	1 802,2	2,3	2 989,1	2,6	8 936,2	14 821,4
Россия	1 363,4	1,8	3 526,2	3,1	9 277,7	23 994,0
ЮАР	346,7	0,4	759,9	0,6	6 112,2	13 397,5
БРИКС всего	16 896,6	22,1	33 057,2	29,0		

Источник / Source: составлено и рассчитано автором на основе данных ВБ. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> / compiled and calculated by the author according to data provided by The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

объединения и около 17% величины мирового ВВП (в текущих ценах), а на основе ППС — около 50,0 и 20,5% соответственно.

По средней величине ВВП на душу населения (в текущих ценах) со значительным отрывом (4,7 раза) лидирует G7 (на основе ППС разница менее существенна). Если в каждой группе исключить лидера по ВВП на душу населения (США и ОАЭ), то получится, что G7 превосходит БРИКС+ в 6,9 раза. При этом разница между лидером (США) и аутсайдером (Япония) в G7 составляет 2,6 раза (в текущих ценах), а в БРИКС+ — между ОАЭ и Эфиопией — почти 49 раз.

Таким образом, уровень жизни стран «Большой семерки», где средняя величина ВВП на душу населения в 3,8 раза превышает среднемировой уровень в текущих ценах и в 2,7 раза — на основе ППС, выше, чем в БРИКС+, у которого данный показатель составляет 81% от среднемирового уровня и лишь на 6,7% больше среднемирового (на основе ППС). Кроме того, между членами G7 отсутствуют суще-

ственные различия по величине ВВП на душу населения (исключение — США и Япония), а в БРИКС+ можно выделить три полюса: в шести странах ВВП на душу населения (в текущих ценах) — от 1011 до 6253 долл. США, в трех — от 10 280 до 14 890 долл. США, а в ОАЭ — 49 380 долл. США (что соответствует пятому месту в G7).

Динамика объема ВВП в пяти странах, являющихся ядром БРИКС+, в 2015–2024 гг. была выше, чем у государств «Большой семерки». За указанный период доля совокупного ВВП G7 в объеме мирового ВВП (в текущих ценах) сократилась с 45,8 до 44,0%, а у стран БРИКС увеличилась с 22,1 до 24,4%. На основе ППС доля G7 уменьшилась с 32,4 до 30,0%, а у членов БРИКС возросла с 29,0 до 35,9%. При этом средняя величина ВВП на душу населения в G7 увеличилась в 1,26 раза (в текущих ценах), а на основе ППС — в 1,46 раза. Аналогичный показатель в БРИКС вырос в 1,39 раза (в текущих ценах), а на основе ППС — в 1,73 раза (табл. 1, 2). В результате

разрыв в уровне доходов на душу населения между G7 и БРИКС в 2015–2024 гг. сократился с 6,07 до 5,53 раза (в текущих ценах), а на основе ППС — с 3,13 до 2,65 раза.

Следует заметить, что у государств G7 доля экспорта и импорта в ВВП выше по сравнению с БРИКС+ (30–33% против 20–23%). В «Большой семерке» наиболее зависима от внешнеторговых операций Германия (экспорт — 42% ВВП страны, импорт — 38%), а наименее — США (11 и 14% соответственно).

В БРИКС+ по аналогичному показателю лидируют ОАЭ (доля экспорта превышает 108% ВВП страны, а импорт составляет около 94%), а замыкает список Эфиопия (экспорт — 5,5%, а импорт — около 12%). Следует отметить, что ОАЭ являются ведущим торговым узлом Ближнего Востока и Африки и входят в топ-20 мировых центров торговли товарами и услугами. Этому способствует льготный режим налогообложения: налог на доходы от внешней торговли — всего 0,01%. Для сравнения, в странах G7—0,6–1,7%, а в большинстве стран БРИКС+ — 1,4–5,5%.

Торговые операции в целом имеют более важное значение для G7 (например, в Германии на них приходится 80% ВВП страны). Исключением являются лишь США и Япония: 25 и 45% соответственно. В большинстве государств БРИКС+ доля торговли составляет от 1/3 до 1/2 величины национального ВВП, однако ОАЭ и Эфиопия отличаются радикально (202 и 17% соответственно). Уровень торговли различными видами услуг выше в рамках G7, а лидерами в своих объединениях по данному показателю являются Великобритания и Индия (примерно 29 и 15% национального ВВП соответственно).

Инфляция в G7 в 2024 г. в целом была ниже по сравнению с БРИКС+ и характеризовалась отсутствием существенных различий (от 0,98 до 3,27% в годовом исчислении). В БРИКС+ амплитуда колебаний была очень значительной: от 0,22% в Китае до 32,46% в Иране.

Уровень безработицы у государств «Большой семерки» в 2024 г. также не сильно различался (от 2,56% в Японии до 7,37% во Франции). В БРИКС+ же он был крайне дифференцирован: от 2,13% в ОАЭ до 33,17% в ЮАР (для сравнения: в Китае — 4,57%, в России — 2,53%). В то же время в 2021–2023 гг. в G7 уровень частичной занятости (которая, по сути, представляет собой скрытую форму безработицы) составлял в среднем 40%, а в БРИКС+ — 24%, однако степень ее дифференциации весьма значительна: от 3,24% в ОАЭ до 61,44% в Эфиопии.

Что касается инвестиционной привлекательности и инвестиционного потенциала двух объединений,

то в 2024 г. относительный чистый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны БРИКС+ в среднем был выше, чем в G7 (1,75 и 1,18% соответственно). По данному показателю лидерами в БРИКС+ стали ОАЭ, Бразилия, Эфиопия и Египет, а в G7 — Канада. Однако по совокупному объему доля G7 была в 3 раза больше — там лидировали США, а в БРИКС+ — Бразилия.

Что же касается чистого оттока ПИИ (стоимости прямых инвестиций резидентов за рубежом за вычетом репатриации капитала и погашения кредитов), то здесь «Большая семерка» заметно опередила БРИКС+ (в среднем 2,25% против 0,90%). По данному показателю лидировали Япония и Канада. В БРИКС+ основными зарубежными инвесторами оказались ОАЭ, Бразилия и Китай. По совокупному объему доля у G7 была в 4 раза больше, но, вероятно, разрыв оказался бы не столь существенным, если бы Россия и Иран могли в полной мере реализовать свои ресурсы.

ОСНОВНЫЕ МАКРОФИНАНСОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ

Анализ макрофинансовых индикаторов⁶ позволяет заключить, что в G7 в целом выше уровень потребления произведенного национального продукта. В 2024 г. в пяти странах он превысил 100% национального ВВП. В БРИКС+ наблюдалась заметная поляризация: в шести наиболее богатых государствах валовые национальные расходы составили 94–99% ВВП, но в четырех — 103–106%.

По величине расходов на научные исследования и разработки G7 заметно выигрывают: 2,62 против 1,04% за 2020–2023 гг. В G7 лидируют США и Япония, а в БРИКС+ — с заметным отрывом — Китай: компании этих стран имеют определенные конкурентные преимущества и обеспечивают собственное технологическое превосходство на международном рынке [14].

По величине сбережений, соотношенных с национальным ВВП, G7 уступает БРИКС+ (по данным за 2024 г., в среднем 22,40 против 25,23%). В G7 самый высокий показатель у Японии (почти 30%) и Германии, а наименьший — у Великобритании и США (15,37 и 18,14% соответственно). В БРИКС+ лидирует Китай — один из главных мировых кредиторов (42,49% в 2023 г.), у Индонезии, России и Индии — 30–34%. Относительно низкий показатель — у африканских стран и Бразилии (13–21%). Следует отметить, что высокий уровень сбережений, с одной

⁶ Использованы статистические данные ВБ. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

стороны, представляет собой финансовый потенциал для дальнейшего экономического развития, но, с другой — может свидетельствовать об отсутствии возможности и условий для эффективного инвестирования в проекты на территории данной страны.

Что касается сравнения степени развития внутренних финансовых рынков, то в рамках обоих объединений амплитуда колебаний очень велика. Если в США рыночная капитализация в 2024 г. составила 213% национального ВВП, то в Германии — около 44%. Аналогичная картина наблюдалась и в БРИКС+: в ЮАР — 246%, а в Египте — около 11%.

Если рассматривать роль банковского сектора в финансировании национальных компаний, в обеих группах есть свои лидеры и аутсайдеры. В G7 в 2024 г. первыми были Япония, Великобритания и Франция (величина их банковских кредитов частному бизнесу составляла 107–124% национального ВВП), а в БРИКС+ — Китай (194%). Далее с заметным отставанием следуют Бразилия и ОАЭ. Стоит отметить, что большой объем банковских кредитов является важным источником финансовых ресурсов для развития национальной экономики, но при этом возрастает уровень риска, связанного с ухудшением качества кредитного портфеля и увеличением количества неплатежей со стороны корпоративных заемщиков.

Сравнение уровней рыночной капитализации и величины кредитов частному бизнесу позволяет определить финансовую глубину национальной экономики, а также доминирующий тип корпоративного финансирования в той или иной стране. В США, Японии и Канаде главный источник фондирования — финансовый рынок, в Германии основой корпоративного финансирования выступают банковские кредиты, а в Великобритании преобладают оба типа. В БРИКС+ финансовый рынок — главный источник фондирования в ЮАР, ОАЭ и Индии, а банковские кредиты — основа корпоративного финансирования в Китае, Бразилии и России.

Поскольку отдельные показатели не учитывают сложную многомерную природу финансового сектора экономики, МВФ разработал специальный Индекс финансового развития. Так, в 2021 г. (с 2022 г. данные не публикуются) у G7 он в среднем был выше, чем у БРИКС+ в 1,76 раза. Однако по сравнению с 2015 г. разрыв сократился на 11%⁷.

С точки зрения оценки возможностей национальных правительств по финансированию государ-

ственных расходов главным индикатором является величина налоговых поступлений, соотнесенная с объемом национального ВВП. В странах G7 в 2023 г. он в среднем был заметно выше, чем у БРИКС+ (18,4 против 10,1%), а разница между лидером и аутсайдером составила 2,5 раза (в БРИКС+ — на порядок больше). В «Большой семерке» максимальный уровень наблюдался в Великобритании (27,4%), а в БРИКС+ — у ЮАР (26,0%). Таким образом, налоговая база в G7 является более весомой и служит финансовым источником, позволяющим правительствам реализовывать различные инвестиционные проекты, способствующие росту национальных экономик.

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ДОЛГОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ G7 И БРИКС+

Поскольку страны обоих объединений активно участвуют в международных кредитных отношениях в качестве заемщиков и кредиторов, представляется целесообразным определить и сравнить степень долговой устойчивости G7 и БРИКС+. По объему совокупного государственного долга (включая задолженность органов государственной власти всех уровней), соотнесенного с величиной ВВП, страны G7 в 2024 г. в среднем в 2,4 раза превосходили БРИКС+ (табл. 3).

Самый высокий уровень госдолга (223,5% ВВП) был отмечен в Японии. И хотя его единого общепризнанного критического значения не существует, в рамках Европейского союза и Евразийского экономического союза используются определенные рекомендованные пороговые уровни (60 и 50% национального ВВП соответственно). С учетом этого все страны G7 и некоторые страны БРИКС+ в настоящее время превышают указанные значения, что свидетельствует о высоком уровне риска, связанного с проводимой ими долговой политикой. В 2024 г. минимальный госдолг был отмечен в России (14,5% ВВП⁸).

Основная доля государственных заимствований в обоих объединениях приходится на внутренний долг. Как правило, в структуре госдолга его удельный вес составляет 77–82%, однако в Китае и России в 2024 г. на него пришлось 93 и 94% соответственно (т.е. внешние заимствования не играют существенной роли в финансировании государственных расходов указанных стран).

⁷ Официальный интернет-сайт МВФ. URL: <https://legacydata.imf.org/?sk=f8032e80-b36c-43b1-ac26-493c5b1cd33b&sid=1481126573525>

⁸ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета за январь–декабрь 2024 года. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f7d/mp3zg8a6s3o7gzxxv2sl260u2r6mwm4.pdf>

Таблица 3 / Table 3

**Основные индикаторы долговой устойчивости G7 и БРИКС+ в 2024 г. /
Principal Debt Sustainability Indicators in G7 and BRICS+ (in 2024)**

Индикатор Страна	Госдолг / ВВП, %	Внешний госдолг / ВВП, %	Внешний госдолг / Совокупный внешний долг, %	Чистая международная инвестиционная позиция, млрд долл. США	Совокупный внешний долг / ВВП, %	Международные резервы, в месяцах объема импорта	Международные резервы / Совокупный внешний долг, %	Доля золота в международных резервах, %
США	136,6	33,25	35,03	-26 539,4	94,92	1,97	3,28	75,0
Германия	62,5	27,56	19,35	3 623,6	142,44	2,18	5,69	74,3
Япония	223,5	28,33	26,08	3 493,8	108,59	13,05	28,14	5,7
Великобритания	153,3	27,09	9,91	-351,4	273,34	1,22	1,75	14,9
Франция	122,5	53,01	22,08	-696,7	239,99	2,38	3,72	72,2
Италия	135,3	41,98	36,30	347,9	115,63	4,00	10,58	70,7
Канада	121,4	25,91	18,33	1 341,6	141,32	1,57	3,78	0,0
Китай	88,3	2,17	16,81	3 295,7	12,91	11,23	142,82	5,5
Индия	81,6	4,06	22,11	-367,7	18,36	7,52	89,49	11,4
Бразилия	74,0	8,76	26,57	-785,9	32,98	8,11	45,86	3,3
Россия	14,5	0,88	6,63	946,7	13,37	16,26 (2023 г.)	209,42	32,1
Индонезия	38,8	14,54	47,68	-245,7	30,51	5,74	36,54	4,2
ОАЭ	32,1	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	2,6
Иран	36,8	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
ЮАР	84,2	19,96	47,45	113,2	42,06	5,68	38,86	16,0
Египет	82,9	20,36	51,06	-265,2	39,86	3,87 (2023 г.)	28,96	23,7
Эфиопия	32,0	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1,04 (2023 г.)	Нет данных	0,0

Источник / Source: составлено и рассчитано автором на основе данных БВ. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics>; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>; МВФ / IMF. URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP\(13.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP(13.0.0)); Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/government-debt-to-gdp> и Банка России / and Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ed/; https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/ / compiled and calculated by the author according to data provided by The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics>; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>; МВФ / IMF. URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP\(13.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP(13.0.0)); Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/government-debt-to-gdp> и Банка России / and Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ed/; https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/

В структуре госдолга важное значение имеет внешний долг, поскольку в случае невыполнения своих обязательств по нему страна-заемщик лишается доступа к инструментам международного долгового рынка и широкому кругу иностранных

инвесторов. Основным индикатором внешнедолгового бремени государства служит соотношение объема внешнего долга и величины ВВП. Как видно из табл. 3, по этому показателю в 2024 г. правительства стран G7 в среднем в 3,4 раза превзош-

ли БРИКС+ (без учета Ирана, ОАЭ и Эфиопии, по которым соответствующие данные отсутствуют). При этом в обоих объединениях величина указанного индикатора различается весьма существенно: в G7 — от 25,9% в Канаде до 53,0% во Франции, а в БРИКС+ минимальная величина (0,88%) отмечена в России, а максимальные значения — в ЮАР и Египте (19,96 и 20,36% соответственно). Таким образом, внешнедолговое финансирование более активно привлекается и используется правительствами стран G7 (например, доля госдолга в совокупном объеме внешней задолженности США и Италии находится на уровне 35–36%). В БРИКС+ главными заемщиками на международном долговом рынке являются правительства африканских стран и Индонезии (их доля в совокупном объеме внешней задолженности указанных стран — 47–51%).

На долговую устойчивость государства влияет не только величина госдолга, но и объем корпоративной задолженности (прежде всего внешних заимствований). Как видно из *табл. 3*, в 2024 г. по величине совокупного внешнего долга, соотнесенного с объемом ВВП, G7 в среднем почти в 6 раз превзошла БРИКС+. Кроме того, все члены «Большой семерки» превысили максимальные пороговые значения по данному показателю (чего не произошло ни в одной стране БРИКС+)⁹.

Один из индикаторов долговой устойчивости государства — величина его международных резервов (единого показателя их достаточности не существует). С этой целью используются различные критерии: наиболее распространенным является требование, касающееся наличия у страны резервных активов в объеме, обеспечивающем финансирование трехмесячного национального импорта. Как видно из *табл. 3*, в G7 в 2024 г. ему соответствовали только Япония и Италия, а в БРИКС+ — все, кроме Эфиопии.

Поскольку одной из главных мировых финансовых проблем является быстрый рост внешней задолженности, величина международных резервов страны рассматривается в качестве своеобразной «подушки безопасности» в случае нехватки средств для текущего обслуживания и погашения внешнего долга. Как следует из *табл. 3*, в 2024 г. у всех участников G7 (за исключением Японии) величина международных резервов покрывала объем национального совокупного внешнего долга в пределах

1,7–10,5%. В БРИКС+ наблюдалась иная картина: даже минимальная величина указанного соотношения у Египта (около 29%) немного превышала уровень Японии. Самый высокий показатель был отмечен у России (свыше 209%). Таким образом, в случае возникновения сложностей с рефинансированием своей внешней задолженности почти все страны G7 могут столкнуться с проблемой обслуживания и погашения внешнего долга.

ВЫВОДЫ

G7 является относительно однородным и политически стабильным объединением промышленно развитых стран, не различающихся существенно по основным финансово-экономическим индикаторам. Члены БРИКС+ находятся на разных уровнях экономического развития и заметно дифференцированы по ключевым показателям. Таким образом, «Большой семерке» проще найти общий язык и выработать единые подходы к решению актуальных проблем, а участникам БРИКС+ — сложнее, с учетом ярко выраженных различий в текущих и перспективных национальных интересах [15].

В каждой группе есть лидер по объему экономики, заметно опережающий всех остальных: США и Китай [16]. Оба этих государства связаны очень тесными торгово-экономическими отношениями: в структуре американского экспорта Китай занимает второе место после Канады¹⁰. Поэтому возникающие между ними политические разногласия вряд ли будут доходить до критической точки — скорее всего, они будут направлены на получение дополнительной экономической выгоды (прежде всего для США, имеющих значительный двусторонний торговый дефицит: объем китайского экспорта в три с лишним раза превышает импорт).

По большинству рассмотренных финансово-экономических индикаторов G7 превосходит БРИКС+. Это касается объема экономики и степени финансового развития, уровня жизни населения, инвестиционной привлекательности и инвестиционного потенциала, более устойчивой и стабильной налоговой базы, уровня инфляции, величины расходов на научные исследования и разработки, структуры международных резервов и др. В то же время отмеченная опережающая динамика развития экономики и финансов в странах БРИКС+, заметное сокращение отставания от G7 по многим показателям, активное внедрение современных

⁹ В соответствии с методикой МВФ высокий уровень внешнедолгового риска возникает в том случае, когда соотношение «совокупный внешний долг / ВВП» становится больше 50%.

¹⁰ Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/exports-by-country>

средств связи и наличие значительного объема международных резервов свидетельствуют о существенном финансово-экономическом потенциале данного объединения [17]. К этому следует добавить желание ряда развивающихся стран в ближайшее время присоединиться к группе, что станет катализатором ее дальнейшего развития и усиления влияния в мировой экономике и мировых финансах.

Для G7 характерен очень высокий уровень потребления, который в значительной степени обеспечивается за счет активного привлечения долгового финансирования (включая быстрый рост внешней задолженности). Все страны группы имеют очень большой объем госдолга, превосходящий рекомендованные международными финансовыми организациями пороговые значения допустимого риска. Если учесть значительный корпоративный внешний долг, а также сравнительно небольшие международные резервы стран-участниц, то при возникновении проблем с рефинансированием национальные банки и компании могут оказаться

не в состоянии выполнять свои внешнедолговые обязательства перед иностранными кредиторами. В таком случае правительствам «Большой семерки» придется изыскивать финансовые ресурсы и принимать участие в урегулировании кризисной ситуации.

Поскольку отмеченное постепенное изменение соотношения финансово-экономических потенциалов G7 и БРИКС+ все еще не находит адекватного отражения в распределении голосов и долей участия в деятельности традиционных международных финансовых организаций (в МВФ доля G7 в 2,4 раза больше, чем у БРИКС+, а в Международном банке реконструкции и развития, являющегося ядром ВБ, — в 2,3 раза), это создает почву для возникновения внутренних конфликтных ситуаций и дестабилизации мировой экономики и мировых финансов. Вероятно, настало время для начала диалога между развитыми и развивающимися странами о формировании принципиально новой мировой архитектуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нефедова А., Базанов М. Глобальная экономика переживает самую масштабную трансформацию за последние десятилетия. Известия. 20.06.2025. URL: <https://iz.ru/1907948/alena-nefedova-maksim-bazanov/globalnaia-ekonomika-perezhivaet-samuiu-masshtabnuiu-transformaciiu-za-poslednie-desiatiletia>
2. Крылова Л.В. Трансформации мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации. *Экономика. Налоги. Право*. 2021;14(5):39-50. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-39-50
3. Балюк И.А., Балюк М.А. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы: проблемы и возможности. *Международная экономика*. 2023;20(8):514-527. DOI: 10.33920/vne-04-2308-02
4. Кузнецов А.В. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряженности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2025;25(1):56-66. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-56-66
5. Bradlow D., Wade R.H. How to fix the representation problem of the G20. *Global Policy*. April 15, 2025. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/15/04/2025/how-fix-representation-problem-g20>
6. Сагар В. Влияние соперничества между США и Китаем на лидерство «Группы двадцати»: возможности и проблемы. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2024;19(3):7-30. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-03-01
7. Щелоков А. Как прошел саммит БРИКС в Рио-де-Жанейро. *Московские новости*. 07.07.2025. URL: <https://www.mn.ru/smart/kak-proshel-sammit-briks-v-rio-de-zhanejro>
8. Wang H. The New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank: China's ambiguous approach to global financial governance. *Development and Change*. 2019;50(1):221-244. DOI: 10.1111/dech.12473
9. Girardi G., Rubbo P., Broday E., et al. Comparative analysis between quality of life and human labor in countries belonging to G7 and BRICS blocks: Proposition of discriminant analysis model. *Economies*. 2024;12(5):124. DOI: 10.3390/economies12050124
10. Gil-Alana L.A., Abakah E.J.A., Carmona-González N., Tiwari A.K. Consumer sentiments across G7 and BRICS economies: Are they related? *Journal of Economics and Finance*. 2024;48(2):323-344. DOI: 10.1007/s12197-023-09657-4
11. Luong A.T. How does the asymmetric spillover of investor sentiment respond to economic policy uncertainty in G7 and BRICS countries? *Review of Behavioral Finance*. 2025;17(2):317-341. DOI: 10.1108/RBF-08-2024-0221

12. Карпов А.Л. БРИКС и G7: глобальная конкуренция. *Journal of Economic Regulation*. 2024;15(3):59-74. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.3.059-074
13. Балюк И.А., Балюк М.А. Новая парадигма международных финансовых отношений России. *Мир новой экономики*. 2024;18(3):84-95. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-3-84-95
14. Чайка Ф. США обогнали Китай в рейтинге Fortune Global 500 впервые с 2018 года. *FinVersia*. 13.08.2024. URL: <https://www.finversia.ru/publication/ssha-obognali-kitai-v-reitinge-fortune-global-500-vpervye-s-2018-goda-144069>
15. Hennecke P. BRICS: Overpowered or overrated? *Vierteljahreshefte zur Arbeits- und Wirtschaftsforschung (VAW)*. 2025;2(1):89-103. DOI: 10.3790/vaw.2025.1457607
16. Ванг А.С. Модель лидерства Китая в БРИКС. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022;17(2):50-85. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-03
17. Ярыгина И.З., Боровикова О.А. БРИКС+ как фактор экономического роста и инвестиционного развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(4):111-120. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-4-111-120

REFERENCES

1. Nefedova A., Bazanov M. The global economy is undergoing its most profound transformation in decades. *Izvestia*. June 20, 2025. URL: <https://iz.ru/1907948/alena-nefedova-maksim-bazanov/globalnaia-ekonomika-perezhivaet-samuiu-masshtabnuiu-transformatsiiu-za-poslednie-desiatiletiia> (In Russ.).
2. Krylova L.V. Transformations of the world monetary and financial system in the direction of polycentrism and regionalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2021;14(5):39-50. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-39-50
3. Balyuk I. A., Balyuk M. A. Fragmentation of global monetary and financial system: Problems and opportunities. *Mezhdunarodnaya ekonomika = The World Economics*. 2023;20(8):514-527. (In Russ.). DOI: 10.33920/vne-04-2308-02
4. Kuznetsov A. V. Fragmentation of the global monetary and financial system in the context of rising geopolitical tensions. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik RUDN. International Relations*. 2025;25(1):56-66. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-56-66
5. Bradlow D., Wade R.H. How to fix the representation problem of the G20. *Global Policy*. April 15, 2025. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/15/04/2025/how-fix-representation-problem-g20>
6. Sagar V. Impact of US-China rivalry on the G20 leadership: Possibilities and problems. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*. 2024;19(3):7-30. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2024-03-01
7. Shchelokov A. How the BRICS summit was held in Rio de Janeiro. *Moskovskie Novosti*. July 07, 2025. URL: <https://www.mn.ru/smart/kak-proshel-sammit-briks-v-rio-de-zhaneiro> (In Russ.).
8. Wang H. The New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank: China's ambiguous approach to global financial governance. *Development and Change*. 2019;50(1):221-244. DOI: 10.1111/dech.12473
9. Girardi G., Rubbo P., Broday E., et al. Comparative analysis between quality of life and human labor in countries belonging to G7 and BRICS blocks: Proposition of discriminant analysis model. *Economies*. 2024;12(5):124. DOI: 10.3390/economies12050124
10. Gil-Alana L.A., Abakah E.J.A., Carmona-González N., Tiwari A.K. Consumer sentiments across G7 and BRICS economies: Are they related? *Journal of Economics and Finance*. 2024;48(2):323-344. DOI: 10.1007/s12197-023-09657-4
11. Luong A. T. How does the asymmetric spillover of investor sentiment respond to economic policy uncertainty in G7 and BRICS countries? *Review of Behavioral Finance*. 2025;17(2):317-341. DOI: 10.1108/RBF-08-2024-0221
12. Karpov A.L. BRICS and G7: Global competition. *Journal of Economic Regulation*. 2024;15(3):59-74. (In Russ.). DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.3.059-074
13. Balyuk I. A., Balyuk M. A. The new paradigm of Russia's international financial relations. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2024;18(3):84-95. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-3-84-95

14. Chaika F. The United States has overtaken China in the Fortune Global 500 ranking for the first time since 2018. FinVersia. Aug. 13, 2024. URL: <https://www.finversia.ru/publication/ssha-obognali-kitai-v-reitinge-fortune-global-500-vpervye-s-2018-goda-144069> (In Russ.).
15. Hennecke P. BRICS: Overpowered or overrated? *Vierteljahreshefte zur Arbeits- und Wirtschaftsforschung (VAW)*. 2025;2(1):89-103. DOI: 10.3790/vaw.2025.1457607
16. Wang A.X. China's leadership in BRICS governance. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*. 2022;17(2):50-85. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-03
17. Yarygina I. Z., Borovikova O. A. BRICS+ as a factor of economic growth and investment development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2019;12(4):111-120. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-4-111-120

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Алексеевич Балюк — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Российская Федерация

Igor A. Balyuk — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-7609-8089>

iabalyuk@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2025; после рецензирования 21.09.2025; принята к публикации 12.01.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2025; revised on 21.09.2025 and accepted for publication on 12.01.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.